

УДК 811.161.1'373.421

**МЕТАФОРЫ ВЗРОСЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ*****Т. В. Леонтьева**

Российский государственный профессионально-педагогический университет
кафедра русского и иностранных языков

В статье представлены результаты мотивационного анализа русских общенародных и диалектных слов, обозначающих взросление человека. Анализ языковых фактов позволяет заключить, что взросление интерпретируется как достижение какого-либо количества или качества: полноты, силы, времени, определенной локализации в пространстве, ума, включенности в социум, качественного состояния зрелости и т. д.

Ключевые слова: *русские народные говоры, семантика, мотивационный анализ, взростеть, взросление.*

В данной статье представлен опыт мотивационного анализа русских общенародных и диалектных слов, обозначающих взросление человека, состояние зрелости или несоответствие этому параметру. Лексический материал извлечен из словарей русских народных говоров, словарей современного русского языка и лексической картотеки топонимической экспедиции Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. В указанных источниках обнаружено более 100 номинативных единиц со значением 'взростеть, вырастать (о ребенке)', 'взрослый / невзрослый человек'. Актуальность исследования обусловлена задачей планомерного осмысления разных фрагментов картины мира носителей русского языка, в частности носителей русских народных говоров, поскольку диалектная лексика в этом отношении наименее изучена, хотя представляет собой благодатное поле для исследователя, осуществляющего поиск регулярных семантических связей между разными группами лексики. Уместность обращения к ономазиологическому подходу можно оценить уже на основании беглого просмотра данных словаря синонимов, согласно которому глагол *взростеть* имеет в русском литературном языке такие синонимы, как *становиться взрослым, созреть; выходить из пеленок* (разг.); *входить* (или *вступать*) *в возраст* (или *в года, в лета*), *входить в разум* (устар.) / о юноше: *мужать; оперяться* (разг.) [1, с. 53]. Мотивировки приведенных слов и буквальная основа выражений прозрачны, и по ним можно судить о широкой палитре мотивов и образов, к которым апеллирует номинатор.

Методика предпринятого исследования заключается в анализе внутренней формы слов, обозначающих взросление, а также человека по признаку зрелости или невзрелости. Выявление метафор и мотивов, лежащих в их основе, а также опыт их систематизации позволяют провести экспликацию представлений о зрелости.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

Предваря мотивационный анализ семантическими заметками, укажем, что интересующее нас значение ‘взрослеть’ нередко приходится выявлять на основе контекстов, поскольку дефиниции, представленные в диалектных словарях, далеко не всегда содержат упоминание этой семы. Мы сталкиваемся также с трудностью различения значений ‘взрослеть’ и ‘вырастать’. Нужно ли их разделять? Некоторая смысловая дистанция между ними, конечно, присутствует. В частности, *вырастать* – значит, прежде всего, становиться физически крупнее, в то время как *взрослеть* означает приобретать не только физиологическую зрелость, но и психологическую, и социальную. Естественно подразумевать разносторонность этого возрастного изменения, поэтому в дефинициях идентификаторы ‘взрослеть’ и ‘вырастать’ часто соседствуют. Если же толкователь выбирает только один из них или иным образом формулирует определение, то для решения вопроса о том, принимать ли во внимание данный номинативный факт, можно опереться на контекст, если он приводится.

В ситуации многосторонности возрастных перемен, происходящих с человеком, вполне закономерно, что номинатор выбирает и ставит на первое место лишь один из аспектов изменений в человеке, то есть отдает предпочтение той или иной мотивировке. Выделим и представим далее семантические модели, среди которых есть основанные на метафоре. Перечислим модели, распределив их на группы в соответствии с мотивами, каждый из которых отражает существенный признак, основание семантического переноса.

Размер. Семантическая модель ‘приобретать другой размер, становиться больше, выше, толще’ – ‘взрослеть’ является одной из самых продуктивных. К ней принадлежат ключевые слова рассматриваемого ряда, прежде всего лексические факты литературного языка: *взрослеть* ‘становиться взрослыми’ [18, т. 2, с. 321], *расти* ‘становиться больше ростом, длиннее, выше, увеличиваться в результате жизненного процесса; || становиться старше, взрослее, развиваться’ [Там же, т. 12, с. 894], *вырастать* ‘увеличиваться в росте, становиться больше, выше, длиннее; расти, возрастать; || становиться взрослым, достигать зрелого возраста’ [Там же, т. 2, с. 1190]; *взрослые, старшие, большие* [1, с. 53], литер. *большой* ‘взрослый, старший (с точки зрения ребенка)’ [8, с. 329], литер. *взрослый* ‘человек, вышедший из юного возраста, достигший зрелости’ [Там же], литер. *старший* ‘человек, имеющий большее количество лет в сравнении с кем-н., а также взрослый’ [Там же, с. 331].

В русских народных говорах к выражению смысла ‘взрослеть’ тоже привлекаются производные от *расти, большой, старый*: волог. *посталее и постарее* ‘о человеке, который с годами становится лучше: красивее, взрослее, умнее’ (*Посталее и постарее, скажем. Полутше у его и внешний вид, и поведение*) [5], пск., смол. *вѣрослый* ‘выросший, большой; взрослый’ (*У него дети уже вырослые*) [16, т. 5, с. 342], смол. *большунѣ* ‘(собир.) взрослые’ [Там же, т. 3, с. 93], свердл. *большуха* ‘большая, взрослая (девочка, девушка)’ (*Ты уж большуха в школе-то учишься*) [Там же] и др.

По данным этимологического словаря, слово *старый* родственно лит. *stóras* ‘толстый, объемистый’, др.-исл. *stórr* ‘большой, сильный, важный, мужественный’, с другой ступенью вокализма: др.-инд. *sthirás* ‘крепкий, сильный’ [20, т. 3, с. 747].

Глагол *расти* происходит от праслав. **orsti, *orstq*, которое сближают, с одной стороны, с греч. *ὄριμος* ‘росток, стебель’, *ὄρνις* ‘возбуждаю, двигаю’, лат. *orior, ortus* ‘поднимаюсь, встаю’, с другой стороны, сравнивают с лат. *arduus* ‘высокий, крутой’, авест. *arədva-* ‘тугой, прямой’, др.-ирл. *ard* ‘высокий’ и др. [Там же, с. 446].

Противоположный семантический полюс представлен соответственно строго обратной метафорой: литер. *недоросль* ‘в России в 18 веке юноша из дворян, еще не достигший совершеннолетия и не поступивший на государственную службу, вообще (устар.) несовершеннолетний’ [8, с. 331], печор. *недорóщенный* ‘не достигший совершеннолетия’ [13, с. 472], костром. *невелікий* ‘невзрослый’ (*В то время я еще невеліка была*) [6] и др.

Время. Лексические воплощения представлений о взрослении закономерно апеллируют к временным смыслам. Чаще всего номинатор прибегает к наименованиям временных отрезков – *годы, лета*. При этом реализуются два направления концептуализации взросления.

С одной стороны, передается смысл накопления количества лет, накопления прошлого: печор. *годá набрáть* ‘повзрослеть, достичь совершеннолетия’ [21, т. 1, с. 174], печор. *забрáть свой гóды* ‘достичь совершеннолетия’ [13, т. 1, с. 218]. В лексических фактах, принадлежащих русским народным говорам, реализована метафора полноты, отсюда обращение номинатора к основам *полный* и *ёмкий*: перм. *ёмкий* ‘достигший поры зрелости, взрослый’ (*Ёмкая она – взамуж пора*) [11, т. 1, с. 248], перм. *прийтí в пóлный вóзраст* ‘стать совершеннолетним’ [Там же, т. 2, с. 207], печор. *неполнолётний* ‘несовершеннолетний’ (*Нынь неполнолетним не выдают паспорта*) [13, т. 1, с. 476], смол. *супóлный* ‘зрелый, возмужалый (о человеке)’ (*По истечении девяти лет жених и невеста становятся суполные люди*) [16, т. 42, с. 252]. Тот же смысл полноты передается словом *совершенноный*, которое выступило источником семантической деривации для новосиб. *совершённный* ‘совершеннолетний’ (*Детишки-то и совершенноные*) [14, т. 4, с. 371], перм. *совершённный* ‘зрелый, совершеннолетний’ [11, т. 2, с. 367], том. *совершёнство лет* ‘совершеннолетие’ [14, т. 4, с. 371], литер. *совершеннолетний* ‘человек, достигший совершеннолетия’ [8, с. 331]. Номинации, выражающие противоположный смысл, интересны тем, что могут обозначать через посредство мотива «несовершенноный» как период детства (в литературном языке), так и период старости (в говорах): литер. *несовершеннолетний* ‘человек, не достигший совершеннолетия’ [Там же], перм. *несовершеннолётний* ‘выживший из ума от старости’ (*Старуха-то у меня выжила из ума, несовершеннолетняя, старая уже*) [11, т. 1, с. 593]. Итак, номинации из сферы «Взросление и зрелость» закономерно создаются с опорой на знание о том, что время дискретно, единицы времени поддаются счету, а зрелость – это накопление прожитых лет.

С другой стороны, в речи диалектоносителей регулярно воплощается мотив перемещения и вступления в определенный период на векторе времени: печор. *в годá (гóды) войтí (прийтí)* ‘повзрослеть, стать совершеннолетним’ [21, т. 1, с. 66], волог. *зайтí в гóды* ‘повзрослеть, перестать быть ребенком’ (*Уже не мальчик, уже зашел в годы, а всё баловесничат*) [10, т. 4, с. 75], ряз. *взойдítь (зайдítь, войдítь) в (совершенноные) года* ‘стать взрослым’ [19, с. 117], печор. *в летá войтí / вйтí* ‘повзрослеть, возмужать’ (*В лета вошёл парнишко-то наш, школу кончат; Он уж вышел в лета, осенью пойдёт в армию*) и ‘достичь зрелости, расцвета – говорится о мужчинах двадцати пяти-сорока пяти лет’ (*А как Данило вошёл в лета, то взяла бурлаком*) [21, т. 1, с. 83].

Специфику диалектного дискурса составляет использование гиперонимов *время, пора, возраст*, которые, обладая в литературном языке семантической «широтой», неопределенностью обозначаемых ими временных границ, в русских народных говорах приобретают возможность семантической конкретизации. При отсутствии идентификатора, указывающего, о каком именно возрасте или временном

отрезке, о какой поре идет речь, говорящий подразумевает не отвлеченную умозрительную категорию времени в целом, а именно ограниченный период взрослости: том., кемер., иркут. *в вóзраст дойти́* ‘стать совершеннолетним’ (*В возраст дошел, нас брали в армию; Бывало, как девка в возраст дойдет, жениха ей ищут; Сын мой в возраст дошел, паспорт получил*) [22, с. 62], печор. *до вóзраста* ‘до определенного возраста, до совершеннолетия’ (*Молодым не разрешали гулять рано, до возраста нам не разрешали с парнем под ручку пройти; Не гуляй, Марфа, с парнями до возраста*) [21, т. 1, с. 210], перм. *в по́ру войти́* ‘достичь совершеннолетия, стать взрослым; возмужать’ (*Пацаночкой была ишо, токо в пору вошла, отошла от родителей; Мне не жалко, пуцай женится, давно в пору вошел*) [11, т. 1, с. 113], новосиб. *дожи́ть до вóзраста* ‘стать взрослым’ [22, с. 62], печор. *вы́йти на вóзраст* ‘повзрослеть’ (*На возраст вышла да взамуш ушла*) [13, т. 1, с. 105]. В этом же ключе, в направлении сужения семантики, развивается деривация слова *пора*: ср.-урал. *выпореть* ‘вырасти, созреть’ [16, т. 5, с. 331]. Говоря о слове *пора* и других подобных лексемах семантической области «Время», Г. В. Калиткина справедливо подмечает «деятельностную составляющую темпоральных концептов». В частности, *пора* «оказывается подходящим (*пористым, порастым, удобным, (при)годным, годейным, угожим, негожим*) периодом для неконкретизированных действий, вместилищем некой деятельности вообще» [4, с. 24]. Действительно, взрослость трактуется прежде всего как полноценная, самостоятельная деятельность человека в новом социальном качестве (в юридическом дискурсе это называется *дееспособностью*).

Внутренняя форма «самое время» или «вся пора», выявляемая в свердл. *самовре́мянной* ‘нестарый, в расцвете лет’ (*А щё ей не гулять, еше самовременная женщина*) [15, т. 5, с. 107], костром. *во всей порé* ‘в полном расцвете: о зрелом, взрослом человеке’ (*Я девчушка была, восемнадцать лет, а ему двадцать пять лет было, он-то уж во всей поре был. А я ничего не понимала, как баран на градусник. Теперь-то уж поняла бы*) [6], выражает важную в представлениях о взрослости идею кульминации, жизненного пика, максимального подъема.

Пространство. Поскольку пространственные и временные смыслы обычно находятся во взаимной проекции (неслучайно категории времени и пространства объединены понятием хронотопа), то движение во времени концептуализируется как движение в пространстве. Приближение к временной демаркационной линии обозначается лексемой, описывающей движение: перм. *дойти́* ‘выйти в люди, зажить нормальной жизнью’ (*Сама раз не дошла до людей, дак хоть дети в грязь лицом не уронили – хорошо живут, все выучились*) [11, т. 1, с. 221]. В других зафиксированных языковых фактах глагол движения (*войти, прийти, зайти, дойти, взойдítь, зайдítь, войдítь*) образует сочетание с наименованием единицы времени или абстрактной временной категории (*годы, лета, возраст, пора*).

«Локализация» взрослости «визуализируется» посредством слова *место*, включенного в состав фразеологизма: перм. *к мéсту вы́йти* ‘определился в жизни, стать самостоятельным’ (*У меня все робята к месту вышли, все робят хорошо, не пьют, не курят*) [Там же, с. 137].

Можно говорить еще об образе выбора своей дороги, хотя дефиниции таких номинаций редко содержат отсылки к понятию взрослости: перм. *в путь пойти́* ‘обрести самостоятельность’ (*А когда в путь пошла, работать стала*) [Там же, т. 2, с. 143], ср. общенар. *непутевый*.

Мощь, работоспособность. В прагматическом смысле взрослость связывается в крестьянской культуре в первую очередь со способностью работать (перм. *рабо́та* ‘период трудоспособности в жизни человека’ (*Чтобы это при работе было –*

не помню) [Там же, с. 255]), а детство и старость репрезентируются как периоды немощности, недостатка силы.

Ср. разделение семьи на работников и едоков: волог. *ватáжник* ‘взрослый член семьи, работник’ (*Он у нас уж ватажник; А много ли ватажников-то у Алексея О니кова?*) [16, т. 4, с. 69], волог. *ватáга* ‘о взрослых членах семьи’ (*У нас ватага не велика – то есть мало работников*) [Там же, с. 68], нижегор. *объедь* ‘большая семья, особенно малый и старый’ [3, т. 2, с. 656], смол. *подъедок* ‘ребенок, который уже много ест, но еще не может работать’ [16, т. 28, с. 261], диал. [б/у места] *объед*, *объедатель*, *объедальщик*, костр. *объедун* ‘кто обедает других, дармод’ (*Работников-то мало, а обедателей много – дети еще малы*) [3, т. 2, с. 656]. Дети еще не могут, а старики уже не могут, в отличие от взрослых, работать в полную силу: перм. *из годóв (из лет) вьйти* ‘достигнуть возраста, когда человек становится нетрудоспособным’ (*Я уж из лет вышла, а всё живу, кончилась уж жись моя; В апреле-то мне 55, дак из годов вьйду, а пенсию-то не заробила, колхоз-от не считается*) [11, т. 1, с. 136].

Поэтому взросление концептуализируется как приобретение физических сил и способности зарабатывать себе на хлеб, обеспечивать себя и семью: смол. *могучий* ‘взрослый, самостоятельный’ (*Ён уже магучий, сам усё можыть дельть*) [17, т. 6, с. 102], перм. *уйти на свой хлеб* ‘зарабатывать на жизнь самостоятельно’ (*Пятеро у меня робят, теперь все ушли на свой хлеб, а мне уж не посылают, хоть как кормися тут*) [11, т. 2, с. 470].

Социум. Взросление имеет одной из сторон вхождение в социум, приобретение места в нем. Конечно, человек с рождения уже присутствует в общине, однако традиционное крестьянское сознание, как уже было сказано, отказывает ребенку в самостоятельности, видит в нем «едока», но не «работника». Взросление же подразумевает приобретение статуса единицы социума – значимой, самостоятельной, трудоспособной: карел. *в людях (быть)* ‘иметь самостоятельность, прочное положение в обществе’ (*Вот одного доростить осталось, остальные в людях*) [12, т. 3, с. 169], брян. *вълюднеть* ‘вырасти, развиться, стать похожим на других’ [7, с. 71], печор. *в люди годен* ‘кто-либо вырос достойным человеком, не хуже, чем другие’ (*Одна детей росила, но они все в люди годны, работящие, дружные, ей все помогают*) [21, т. 1, с. 85]. Отсутствие социального положения, то есть социальная несостоятельность, получает выражение во внутренней форме ленингр. *никто́* ‘тот, кто по возрасту не имеет определенного социального статуса’ (*Это было, когда я еще никто была, маленька значит*) [12, т. 4, с. 26].

На включение в общественную жизнь указывает упоминание в дефинициях признаков ‘начавший работать’, ‘самостоятельный’, ‘живущий отдельно от родителей’, а на уровне мотивации – привлечение слова *люди*: перм. *в люди уйти* ‘уйти из родного дома работать где-л.’ (*Всего пять классов кончил сын-от, рано в люди ушёл, на кирпичный*) [11, т. 2, с. 469].

Образно взросление может осмысляться также как «передача» ребенка чужим людям, ср. включение в состав фразеологизма причастия от глагола *раздать*: новосиб. *дети раздаты* ‘самостоятельно и отдельно от родителей живущие дети’ (*Все уж дети раздаты, взрослые, сами живут, только что в гости едут*) [14, т. 4, с. 96].

Интеллектуальная способность. Ономаσιологический подход к анализу лексики взросления и взрослости выявляет примеры реализации во внутренней форме слов семантической оппозиции «ум – глупость»: перм. *глу́пенький ум / в глу́пом*

умé ‘о человеке, не достигшем зрелого возраста’ (*Он у нас хоть ишо глупенькой ум, молодой ишо, а ничё плохого никому не делал; Были ишо в глупом уме, девчатами ишо были, дак едак играли*) [11, т. 2, с. 472], печор. *в умé быть* ‘быть в уже достаточно зрелом возрасте’ [21, т. 1, с. 114], перм. *в умé* ‘в зрелом возрасте’ [11, т. 2, с. 473], ряз. *в своём умé кто-л.* ‘кто-л. вырос, стал взрослым и может самостоятельно принимать решения, здраво рассуждать’ (*Будеть двадцать лет, это уж говорить, в своём уме, должен сам понимать*) [16, т. 36, с. 316] и др. Это весьма устойчивый способ языковой концептуализации разных возрастов человека, актуализирующий представления, конечно, не о способности размышлять, а о благоразумии, рассудке, предопределяющем поведение человека.

Устойчивость. Актуализированный в лексике взросления мотив приобретения физической силы, крепости, получающий воплощение в словах, внутренняя форма которых указывает на телесное развитие (рост, увеличение размера), реализуется также в метафоре вставания на ноги: тюмен. *встать на твёрдую нóгу* ‘стать самостоятельным’ [Там же, т. 43, с. 323], перм. *сметаться на ноги* ‘повзрослеть, стать самостоятельным’ [11, т. 2, с. 357], арх. *змотаться на ноги* ‘повзрослеть, «встать на ноги»’ (*Змоталась я на ноги, пятнадцать-то годов, меня работать отправили*) [10, т. 4, с. 272]; вероятно, сюда же перм. *взмотаться* ‘стать самостоятельным’ (*Дети у меня взмотались и разъехались*) [11, т. 1, с. 99]. Очевидно, эта метафора происходит из представлений о том, как растёт ребенок. А.К. Байбурин, комментируя обряды, символизирующие преобразование «новорожденный > человек», в частности, ритуалы, связанные с появлением зубов, ростом волос, ногтей, вставанием ребенка на ноги, говорит следующее: «У восточных славян признак твердости / мягкости по отношению к новорожденному является определяющим: взросление мыслится как отверждение тела, укрепление его костей (само слово *младенец* обнаруживает при его этимологическом анализе такие значения, как ‘мягкий’, ‘нежный’, ‘слабый’»)» [2, с. 54]. Под устойчивостью взрослеющего человека подразумевается, конечно, не физическая сила, а социальная состоятельность: появление семьи, работы, достатка. Нам кажется важным отдельно указать на мотив приобретения устойчивости, оформленный посредством метафоры, апеллирующей к одному из этапов развития ребенка, хотя в целом в лексике взросления репрезентированы и другие составляющие образа ребенка или детеныша.

Этапность развития в жизненном цикле высокоорганизованных существ. Наблюдения человека за миром растений и животных всегда дают богатую почву для ассоциирования, соотнесения с жизнью людей. В случае с языковой концептуализацией взросления естественно ожидать обращения номинатора к рубежным моментам в развитии живых организмов.

Растительная метафора присутствует в лексике взросления в виде образа цветения: литер. *в расцвете лет*; омск. *самый светок* ‘во цвете лет, сил’ (*Он-то погиб. Самый светок, 31 год исполнился*) [14, т. 4, с. 252] (вспомним, что следующий этап – старение человека – концептуализируется как увядание).

Зоологическая метафора весьма активна в лексике взросления человека. Анализ лексем и фразеологизмов позволяет реконструировать прежде всего птичьи образы, запечатлевшие ключевые этапы жизненного цикла: образы птенца, вылупившегося из яйца, меняющей оперение птицы, начавшей летать птицы: перм. *из кóжи вылупиться* ‘определиться в жизни, стать самостоятельным’ (*У меня уж двое из кожи вылупились, уехали, я и не знаю, че там делают, в городе-то*) [11, т. 1, с. 140], литер. *оперяться* ‘становиться взрослым и самостоятельным’ [18, т. 8, с. 898] и др.

Другим источником семантической деривации выступило обозначение линьки при смене шерсти с летней на зимнюю у пушных зверей (белок, куниц и др.): костром. *вы́кунеть* ‘вырасти (о ребенке); войти в тело, заматереть’ (*Ребенок выкунил, был маленький и выкунил; Выкунивают бабы-те к сорока годам*) [6], волог., перм., костром. *вы́кунеть* ‘вырасти, возмужать; стать рослым, сильным’ (*Парень-то лежит на усу, еще не выкунел. Погоди, молода, еще не выкунела; Парень-от наш как выкунел, хороший стал, чистяк. Девушку-подростка называют, что она выкуняла*) [16, т. 5, с. 299]. В основе этой последней метафоры лежит мотив готовности, качественного изменения.

Образ младенца, которого качают на руках родители, реконструируется на основе костром. *вы́качаться* ‘вырасти (о ребенке)’ (*Вы́качается один – так унесут, уберут зыбку, потом второму достанут*) [6], перм. *зболтаться* ‘вырасти, воспитаться в трудных условиях’ (*Пеленишного (привезли к ним), он тут и зболтался*) [9, т. 1, с. 338]. Здесь взросление трактуется как результат родительской заботы.

Готовность еды, напитков. Взросление, по сути представляющее собой качественную перемену, концептуализируется посредством кулинарной метафоры: *на печи дойдут* ‘вырастут и так (о детях, которые растут без присмотра)’ [22, с. 62], перм. *поспеть* ‘достичь совершеннолетия; вырасти’ (*Не поспели у меня девки до войны-то, маленькие они в те годы были*) [11, т. 2, с. 184]. Помимо образа приготовления еды (видимо, выпекания сдобы, что соотносится с известной метафорой *из одного теста / из разного теста [о людях]*), используется образ настоявшегося напитка: печор. *вы́держанная дэвка* ‘девушка, достигшая возраста, когда можно выходить замуж’ [21, т. 1, с. 157]. Семантика взрослости оформляется в данном случае посредством имеющей древние корни метафоры изготовления человека.

Итак, анализ лексических воплощений взрослости показывает, что речь идет о фрагменте лексикона, описывающего один из аспектов представлений о норме, ср. внутреннюю форму ленингр. *нормальный* ‘достигший зрелого возраста, взрослый’ (*Она нормальная, уж двадцать шестой годик, а жених моложе, в армию взяли*) [12, т. 4, с. 41]. Взрослость – это своеобразная «социальная норма». Данный «отрезок» жизненного пути человека представлен лексическими средствами языка как имеющий пределы, начальную и конечную черты, он окружен с двух сторон («до» и «после») другими отрезками, которые маркируются как отклонение от нормы: перм. *из детства вы́йти* ‘повзрослеть, стать совершеннолетним’ [11, т. 1, с. 136], карел. *зайти́ в го́ды* ‘повзрослеть, стать взрослой’ (*В годы-то зашла, да и осмелилась, выстала дочка против отца, за мать заступилась*) [12, т. 2, с. 126], ряз. *вы́йдить (выходить) из годов* ‘состариться’, ‘стать старше какой-либо возрастной нормы’ [19, с. 117]. Норма в этом случае предстает как состояние, которое достигается и впоследствии утрачивается.

Безусловно, лексика взросления семантически соотносится с вербальными репрезентациями воспитания, обращения детей, которые в данной статье не рассматриваются. Между тем очевидно, что в этих двух группах лексики реализуются отчасти сходные метафоры. Это можно увидеть уже на примере сопоставления проанализированной лексики с глаголами, являющимися синонимами глагола *вырастить*, которые представлены в словаре синонимов: *вскормить, выкормить, вспоить* (разг.); *воспитать, вынянчить, поднять, поставить* (или *поднять*) *на ноги; взрастить* (книж.); *возрастить* (устар.) / *заботливо: взлелеять; выпестовать* (устар.) [1, с. 81]. Метафорические параллели находим и в диалектном материале. Так, к образу человеческого сообщества апеллируют перм. *в мир вы́вести* ‘оказать содей-

ствие кому-л. в достижении общественного положения; помочь занять правильное место в жизни' (*Хозеин-то у ее шибко был хорошей, он в мир-то ее и вывел; Мать с имя не живет, с бабушкой девки-то выросли, и всех их бабушка в мир вывела*) [11, т. 1, с. 132], перм. *в мир ввесті* 'вывести в люди' (*Он скотником робил, дак она его в мир ввела, сейчас шофером работат, поди как одеват хорошо*) [Там же, с. 79] и мн. др. Различие между словами, представляющими идеограммы 'взрослеть' и 'воспитывать', состоит прежде всего в категории субъекта действия, при этом субъект воспитания и субъект взросления образуют коммуникативную пару. Отсюда и метафорические параллели, например, явная соотнесенность образов «ставить на ноги» и «вставать на ноги», «приобщать к людям» и «приобщаться к людям».

Обобщая столь различные метафоры, мы все же не можем не увидеть в них общее – мотив приобретения. Анализ языковых фактов позволяет заключить, что взросление интерпретируется как достижение какого-либо количества или качества: полноты, силы, времени, определенной локализации в пространстве, ума, включенности в социум, степени готовности (качественного состояния зрелости) и т. д. В метафорах преимущественно актуализируется признак 'свойство', о чем свидетельствует обращение номинатора к прилагательным (*полный, совершенный, большой, зрелый* и др.) и их дериватам. Однако, помимо «субъективных» преобразований (то есть изменения свойства субъекта взросления), лексически манифестированы также «объективные» приобретения, то есть освоение некоторого внешнего объекта действительности: выбор дороги, освоение социального пространства.

Список литературы

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Рус. яз.: Дрофа, 2001. 586 с.
2. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981–1982.
4. Калиткина Г.В. Когнитивная метафора контейнера и лингвокультурная специфика концептуализации времени // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 6 (32). С. 17–36.
5. Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета).
6. Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
7. Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров. Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.
8. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именуемые: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос.). М.: Азбуковник. 1998. 800 с.
9. Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984–2011. Вып. 1–6.
10. Словарь говоров Русского Севера / под ред А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2011. Т. 1–5.
11. Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000–2002. Вып. 1–2.

12. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005.
13. Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2003–2005.
14. Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1999–2006.
15. Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. Свердловск : Среднеурал. кн. изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
16. Словарь русских народных говоров : в 44 т. / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетева, С. А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2011.
17. Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / под ред. А. И. Ивановой. Смоленск : Смолгортипография, 1974–2005.
18. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. : Наука; Л. : Изд-во АН ССР, 1948–1965.
19. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. М. : Наука, 1969. 612 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986–1987.
21. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб. : Наука, 2008.
22. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск : Наука, 1983. 232 с.

METAPHORS OF HUMAN MATURATION IN RUSSIAN DIALECTS

T. V. Leontyeva

Russian State Vocational Pedagogical University
the Department of Russian and Foreign Languages

The article presents the results of a motivational analysis of the Russian nationwide and dialect words denoting the process of human maturation. The analysis of linguistic facts leads to the conclusion that growing up is interpreted as the achievement of a certain quantity or quality: completeness, force, time, specific localization in space, mind, inclusion in the society, quality status of maturity, etc.

Keywords: *Russian dialects, semantics, motivational analysis, to grow up; maturation.*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Валерьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Российского государственного профессионально-педагогического университета (620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11), e-mail: leotany@mail.ru.

About the author:

LEONTYEVA Tatyana Valeryevna – Doctor of Philology, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Languages, Russian State Vocational Pedagogical University (620012, Yekaterinburg, Mashinostroiteley str., 11), e-mail: leotany@mail.ru.